

Способы наказания и поощрения горцев в разгар Кавказской войны

Аннотация:

В статье раскрываются средства, которые использовала царская военная администрация в период Кавказской войны, для наказания непокорных и поощрения мирных горцев. Торговлю с горцами оно рассматривало с позиций своей колониальной политики и стремилось подчинить ее строжайшей регламентации, контролю, завоевательным целям.

Ключевые слова:

«Непокорные» горцы, «мирные» горцы, меновая торговля, адыго-русские взаимоотношения, беспошлинный вывоз, закубанцы, царская администрация, ярмарочная торговля, экономическое воздействие, «вольные» рынки, товарообмен, колониальная политика.

Более широкому развитию русско-адыгской торговли на Северо-Западном Кавказе в период Кавказской войны мешали гражданские и военные власти царской России. Нередко торговля с горцами использовалась для оказания на них политического давления.

Соль и хлеб составляли не только главный предмет менового торга с горцами, но и служили средством наказания непокорных и поощрения мирных горцев, поэтому всякие политические осложнения и волнения среди Закубанцев прежде всего отражались на отпуске им соли.

До 1837 г. соль отпускали с меновых дворов беспошлинно мирным и немирным горцам, без всякого ограничения, по мере требования, за наличные деньги, а в 1837 г. согласно высочайшей воли отпуск соли горцам был воспрещен. В 1837 г., «по убеждению в прямой необходимости жизненной потребности разрешено отпускать соль одним мирным горцам по билетам приставов их, не более 1 ½ пуда в год на каждую душу».¹

В связи с волнениями горцев в 1850 г. меновая торговля с ними была прекращена, в том числе и отпуск горцам соли. Всю тяжесть этого запрета вскоре почувствовали на себе «приверженные нам бжедухские аулы, теснимые неприязненными горцами». Они обратились через командующего кордонной линией генерала Г. А. Рашпиля с просьбой о разрешении им «приобретать у нас соль, в которой они терпят крайность, посещать наши базары и привозить свои изделия для промена. Так как они не имеют денег, за которые могли бы покупать необходимые для них предметы». Их просьба была удовлетворена в виде пособия за преданность России. Было разрешено им приобретать соль «из Екатеринодарского войскового запасного магазина по общей продажной цене, но не более как по 1 пуду на душу в год, чтобы они не могли поделиться с неприязненными черкесами».²

В 1851 г. тем закубанским аулам, которые сохранили преданность царизму было разрешено отпускать соль, но не на меновых дворах, а из войсковых магазинов. Кроме того им было разрешено производить меновую торговлю в

Екатеринодаре в базарные дни – 2 раза в неделю только по понедельникам и пятницам, «в другие же дни ни под каким предлогом не перепускать их на нашу сторону, исключая едущих со сведениями о политических делах за Кубанью».³ Результатом этого объявления было то, что «в декабре 1851 г. 15 Хамышейских и 27 Керкенейских и Адамиевских аулов принесли покорность, приняли присягу и выдали 14 аманатов из-за нужды иметь соль и просо, ... и просили, чтобы им дозволено было возить на нашу сторону лес и прочие произведения для сбыта нашим жителям за деньги».⁴ С разрешения командующего Черноморской кордонной линией, им дозволили продавать и менять на хлеб имеющийся у них лес при Воронежском и Александровском постах и в городе Екатеринодаре по понедельникам и пятницам.⁵

В 1853 г. шапсугский дворянин Шеренмет Шеретлук с семейством и с крестьянами изъявил покорность, принял присягу и получил письменное разрешение на право покупки соли.

В 1854 г. по случаю войны с Турцией и волнений среди закубанцев всякие меновые и торговые сношения с горцами были прекращены и только семь аулов остались верными России, из которых двум отпущено в этом году 31 пуд 21 ½ фунта соли.⁶ Соль горцам отпускалась не только за деньги или в обмен за их товар и лес, но и даром в виде подарков в поощрение мирных горцев за их преданность России.

Другим сильным средством воздействия на адыгские племена являлся хлеб. Временное прекращение обмена хлебом рассматривалось царскими колонизаторами как наиболее действенный метод «мирного» покорения адыгского племени, а тем более, если к этому добавить еще и разразившийся голод в связи со стихийными бедствиями. Пользуясь бедственным положением широких масс горцев, вызванным неурожаем и наводнением, царская администрация стремилась привлекать их на полевые работы в казачьих станицах и, тем самым, ставить их в непосредственную зависимость от русского царизма.

По случаю недостатков в хлебе в Кавказской области в 1833 г. вывоз хлеба горцам был окончательно воспрещен,

а так как излишка хлеба не было и за Кубанью, «то тягость этого запрещения прежде всего почувствовали русские люди, проживающие в разных заграничных наших крепостях».⁷ Так что от запретов царской администрации страдали не только горцы, но и казаки.

Так, в целях предотвращения ухода из-под влияния России бжедухов, шамшеевцев, черченеевцев, и боясь, что голодающие горцы получают помощь от шапсугов и абадзехов, в сентябре 1833 г. по директиве командующего войсками на кавказской линии, было предложено им разрешать покупку хлеба в Черномории, так как «будучи доведены до крайности голодом, могут вступить в неприязненные для нас сношения с шапсугами и абадзехами для получения от них пропитания... Между тем черкесы, зная о разрешении выпуска к ним хлеба, будут уверены о внимании правительства нашего к нуждам их и могут остаться через то нам верными».⁸

Разрешенная с горцами меновая торговля ожидаемых результатов не принесла и вместо развития постепенно приходила в упадок. Торговле препятствовало: во-первых, частое появление за Кубанью «заразительной болезни», против распространения которой в пределах войска принимаются карантинные предосторожности и запрещение ввоза из-за Кубани многих горских товаров, которые стесняли торговлю; во-вторых, постоянная война с горцами, раздражавшая обе воюющие стороны; в-третьих, влияние Турции, доставляющей горцам все необходимые «предметы» морем; в-четвертых, необеспеченность личности и имущества торговцев среди горцев, предъявляющих к торговцам непомерные требования.

В своих «Военных заметках», представленных военному министру А. И. Чернышову, комендант города Геленджика полковник Чайковский писал о голоде 1833-го г. «Тщетно к спасению от голодной смерти каждый раз я предлагал им на первый раз муки 1000 четвертей, если их старшины явятся с покорностью, примут присягу. Но черкесы, не помышляя о покорности, умирали от голода». Адыги не приняли помощь царской администрации в обмен на свою свободу. Далее Чайковский сообщает командованию, что им были предприняты все меры для полной изоляции черкесов от внешнего мира: «С 1832 г. усиленное крейсерство, с 1833 г. и десантные операции с нашей стороны много помешали береговой внешней торговле с горцами: помешали столько, что немалая часть их обходилась без соли и белья».⁹

Еще более открыто эту же политическую линию по отношению к горцам проводил генерал Малиновский. «То запрещение торговли до окончания военных дел за Кубанью послужит к скорейшему примирению их, ибо во всем они терпят нужду, а нужда скорее всего побеждает».¹⁰

Зачастую царские власти использовали торговлю, а вернее, запрещение ее, как одно из эффективных средств «давления» на горцев. После русско-турецкой войны 1828-1829 гг. сократилась меновая торговля, особенно на черноморской береговой линии, где усилили свои атаки на русские укрепления Черноморского побережья «непокорные» натухайцы и шапсуги.

Для борьбы с турецкой контрабандой керчьеникальский градоначальник предлагал ряд мероприятий.¹¹ Но проведение в жизнь данных мероприятий не улучшило состояние торговли на Черноморском побережье.

Так, запрещая контрабандную торговлю и, тем самым, пресекая торговый обмен горцев с Турцией, Россия, наносила существенный вред экономике Черкесии, что вело к обнищанию населения. «Толпы голодных, тощих и полунагих горцев, преимущественно детей, тянутся вокруг прикрывший, высылаемых на рубку леса; умоляющими знаками и жалостными криками стараются возбудить сострадание солдат, на коленях вымаливают изредка бросаемый кусок хлеба», - писал в своем рапорте 13 января 1847 г. контр-адмирал Серебряков.¹²

Такие действия царской администрации привели к упадку адыго-русских торгово-экономических взаимоотношений.

В докладной записке министру финансов Канкрину в 1835 г. генерал Розен пытался вскрыть причину упадка меновых сношений горцев с Россией на Черноморской береговой линии.¹³ Так, по мнению Шамрая В. С.: во-первых, адыгские племена с давних времен являлись потребителями турецких товаров, главным образом оружия и пороха, а с присоединением Анапы к России эта торговля должна была прекратиться; также должна была прекратиться и торговля пленниками, на которых горцы привыкли выменивать большую часть нужных для себя товаров; во-вторых, многие продукты и изделия адыгских племен, как-то: хлеб и кожи всегда сбывались в Османскую империю, а Россия не нуждалась в этих объектах вывоза; при том горцы привыкли ко многим изделиям турецким, которых с тех пор не могли уже получать из первых рук; в-третьих, уничтожение попечительства кавказской торговли после Адрианопольского мира отразилось отрицательно на развитии меновых сношений горцев с Россией, так как органы попечительства, несмотря на все их злоупотребления и недочеты, все же поддерживали связь России с горскими народами.¹⁴

Для улучшения и развития торговли русских с горцами генерал А. А. Вельяминов в 1833 г. предложил следующие меры: расширить ввоз горцам товаров русской промышленности – стали, железа, меди, разной посуды, бумажных, шерстяных и шелковых изделий; отделить меновые дворы от карантинных и устроить меновые пункты впереди линии при укреплении, чтобы горцам не нужно было предварительно ездить в карантин; дезинфекцию в карантинах производить после обмена без всякой пошлины; освободить от рекрутской повинности русских мещан, которые будут торговать при укреплениях, и дозволить им производить обмен без платежа гильдейских сборов.¹⁵ Эти предложения были утверждены правительством в 1836 г.

Вследствие разрешения беспошлинного вывоза к мирным горцам товаров российского производства, вывоз железа и стали явился для них особенно прибыльным занятием. Они сбывали их враждебным закубанцам во вред царской администрации, поэтому в 1842 г. изданы были правила для торговли этими металлами.

В 1844 г. Гурко разрешил пропускать мирным горцам железо и сталь привозимые из России как в виде изделий, так и кусками, но только в Екатеринодар, в укрепления Усть-Лабинское и Прочнокопское, в станицы Невинномысскую и Екатеринодарскую на условиях изданных в 1842 г. Эти стеснения сводили на нет обмен горских товаров на русские металлы, да и само правительство опасалось пропускать в большом

количестве металлы на территорию горских народов по политическим соображениям.

Допущение к меновой торговле частных торговцев привело к развитию барышничества и спекуляции.¹⁶

В 40-х гг. царское командование принимает компромиссное решение: наряду с меновыми дворами допускались частные торговцы при меновых и карантинных пунктах, хотя их спекуляция сильно затрудняла осуществление правительственной меновой торговли с адыгскими племенами. Данная политика царизма не могла оживить торговлю в Черноморье, что привело к дальнейшему сокращению торговых операций. Это можно проследить на следующих данных. Так, привоз товаров в Россию через Екатеринодарский частный карантин составил: в 1844 г. – 92613 руб. 16 коп., в 1845 г. – 62572 руб. 03 коп., а вывоз товаров из России составил: в 1844 г. – 48416 руб. 01 коп., в 1845 г. – 16057 руб. 09 коп.¹⁷

Усиление военных столкновений адыгских племен с царскими войсками привело к снижению торговых операций в 1845 г., по сравнению с 1844 г. Чем сильнее становился нажим горцев на царизм, тем активнее он прибегал к экономическим методам покорения адыгского народа, не ослабляя военно-колониальной экспансии.

Отказавшись от принудительного принципа в торговле с горскими народами, царское командование перешло к свободному обмену на ярмарках, и, начиная с 40-х гг. стало смелее допускать горцев к торговым операциям.

Царские колонизаторы изображали допущение горских народов к ярмарочной торговле, как акт «благодетельности» со стороны царского правительства и «жертвы» со стороны казачества. Однако, они опасались, что радикальное разрешение вопроса о свободной торговле может повредить делу покорения адыгского народа. «Мирным» черкесам было разрешено менять свои продукты на казачий хлеб в станицах, но строго запрещалась торговля металлом.¹⁸

Исходя из политических интересов царизма, используя нужду горских народов в хлебе и соли для подчинения их своему влиянию, царские власти предпочли организовать вольные рынки при меновых дворах,¹⁹ так как опасались контактов между горцами и казаками. Используя постоянный недород на территории горских племен, правительство предлагало ввести свободный обмен на меновых дворах горских предметов на кубанский хлеб для усиления экономической зависимости адыгов от царской России.

В целях оживления экономических связей и укрепления политических позиций царизма среди горских народов, царское командование, допуская свободную торговлю, считало возможным осуществить эту задачу путем строжайшего военно-полицейского надзора.

Впервые горские народы были широко, то есть «мирные» и «не мирные», допущены на Благовещенскую ярмарку в Екатеринодаре в 1845 г. При этом выдвигались не столь экономические, сколько политические задачи – «дабы расположить их к убеждению в потребности миролюбивого сближения с нами»,²⁰ имея в виду втянуть их в сферу подчинения царизму. В циркуляре командующего Черноморской кордонной линией Г. А. Рашипиля начальникам частей кордонной линии о порядке пропуска горцев на Благовещенскую ярмарку в город Екатеринодар говорилось, что: «дозволяется пропуск из-за

Кубани в город на ярмарку всех вообще мирных и немирных закубанских горцев в течение 6 дней, с 20-го по 26 марта, на следующих основаниях». И далее перечисляется 18 пунктов, которыми регламентируется их участие в торговле на ярмарке.²¹

Из этого видно, как царская администрация боялась допустить к свободной торговле горцев. С одной стороны, они стремились использовать в колонизаторских целях экономические методы воздействия на горские народы, а с другой, – допуская их с большими предосторожностями на ярмарки они приводили в боевой порядок войска.

Так, воинским начальником первой черкесской ярмарки назначен был подполковник Шарап, а его помощником – есаул Абанович. В их распоряжение назначалась военная команда из 134 человек «для наблюдением за порядком в черкесской части ярмарки». Далее давались указания, каким образом распределить эти силы. В инструкции рекомендовалось почаще посылать разъезды, особенно в ночное время, «дабы вполне сохранить порядок, чтобы тишина и спокойствие и всеобщая безопасность не нарушались».²² На время ярмарки при воинском начальнике приказано было находиться есаулу Гусарову, сотнику Султану Селим-Гирею и прапорщику Шаган-Гирею Батокову.

На этот раз опасения начальства были напрасны – ярмарка прошла спокойно с большим успехом, что окрылило царское командование. Оно разрешило горцам прибыть со своими товарами и на последующие ярмарки в Екатеринодаре.

На Троицкую ярмарку 1845 г. в Екатеринодар прибыло: «мирных» закубанцев – 7205 человек, «немирных» – 2595 человек на 3251 арбе с 120 голов скота и 98 лошадей для продажи. Горцами было продано товаров на 13550 руб., а куплено и вывезено за Кубань на 22504 руб. разного товара.²³ Порядок на ярмарке нарушен не был. Горцы остались всем довольны и просили о допущении их на последующие ярмарки.

Царские власти также были довольны удавшимся опытом ярмарочной торговли с горцами. В письме Г. А. Рашипиля графу М. С. Воронцову о развитии торговых сношений с горскими народами, откровенно излагались те методы обмана, к которым прибегало начальство: «При предпринятых с нашей стороны мерах осторожности, которые тщательно были скрываются от горцев с целью усыпить обычную их недоверчивость к нам, оказаны были закубанцам, как добрым соседям, все ласки гостеприимства. В стане их по вечерам играла музыка; для всех почетнейших из них откуплены были входы на зрелища, которые давали на ярмарке странствующие труппы вольтижеров и комедиантов... По вечерам, оканчивая свои торговые дела, они составляли шумные круги для игр и забав в своем национальном духе. И при таком расположении посетителей ярмарки из аулов не могла иметь место никакая неприязненная мысль. Все это располагало горцев к дальнейшему торгу с нами».²⁴ Это привело к тому, что горцы принимали активное участие во всех Екатеринодарских ярмарках.

В связи с волнением среди горцев, произведенных Магомет-Амином, в 1850 и в 1854 г. ярмарки были запрещены. О ярмарках 1856-1860 гг. сведений не оказалось, а о ярмарках 1861, 1862, 1863 имеются сведения только о том, что они разрешались.

Одним из средств экономического воздействия царских властей на горцев был «свободный» обмен их продуктов и изделий на русский хлеб, в котором широкие массы горцев весьма нуждались. На почве голода за Кубанью начиналось «раздражительное брожение», и стычки на кордонной линии учащались. В связи с этим, перед высшим начальством ставится вопрос об открытии доступа горцам в казачьи станицы для обмена их продуктов на хлеб при «вольных рынках».²⁵

«Вольные» рынки составили конкуренцию меновой торговле, так как горцы предпочитали им свободную торговлю. Этим нарушалось требование царского правительства – производить с горцами не денежную торговлю, а натуральную мену, под контролем правительства, используя обмен как экономическое средство колониального воздействия на горцев. В 1846 г. Г. А. Рашпиль отдал распоряжение: «Строжайше наблюдать, чтобы на вольных базарах черкесы ничего более, кроме хлеба, от наших жителей не получали, чтобы никто из наших, не привезший с собой хлеба, отнюдь не имел доступа к базарам, ибо в первоначальных объявлениях станичным правлениям об учреждении таковых базаров сказано было, что учреждениями этими мы только подаем милостыню черкесам в их нужде».²⁶

Но никакие меры царского правительства не могли приостановить стремления горцев к более выгодной для них торговле с казаками, без посредничества меновых дворов и опеки царской администрации.

Царское командование пыталось поставить товарообмен под свой контроль, утвердив в 1846 г. новое «Положение о меновой торговле с горцами по Кавказской линии». В этом документе подчеркивалась политическая задача, состоящая в том, чтобы путем правильно организованного правительственного обмена подчинить горские племена царской России. Внушалась мысль «вселить в горах полную к нам доверенность и охоту сближения»,²⁷ понимая под «сближением» полное подчинение царизму.

Это распоряжение правительства начали быстро проводить в жизнь. Но горцы предпочитали свободную торговлю обмену, поэтому меновые дворы в конце 40-х гг. пришли в упадок.

Такое отрицательное отношение горцев к меновой торговле заставило царизм еще шире использовать ее в качестве одного из экономических методов завоевания Северо-Западного Кавказа. Царское командование прибегало к этому методу в период наиболее ожесточенной борьбы горцев за свою независимость в конце 40-х годов.

Предлагалось на меновых дворах отпускать соль тем горцам, которые откажутся повиноваться Магомет-Амину. В 1852 г. Н. С. Заводовский распорядился: «До принятия покорности шапсугами торговлю дозволить нельзя, а, напротив строго следует следить за тем, чтобы шапсугам фунта соли не доходило».²⁸

Горцы испытывали нужду не только в хлебе, но и в корме для скота, так как лучшие сенокосные места были захвачены царскими войсками. Правительство стремилось использовать эту нужду как одно из средств давления на горцев. После неоднократных обращений старшины аульских обществ к царскому командованию с просьбой об отводе им сенокосов, Г. А. Рашпиль в 1846 г. отвел хамышевскому племени «сенокосные места в дистанции

Александровского поста, с соблюдением следующих условий в предупреждение беспорядков».²⁹ Условия эти были очень жесткие и оскорбительные для горцев.

Все эти меры должны были предупредить возможность военных действий со стороны горцев и в то же время усилить экономическую зависимость их от царизма.

Попытки крестьян-горцев переселиться на более удобные места Северо-Кавказской равнины для улучшения своего положения, шли вразрез с планами царских колонизаторов, не пускавших горцев за укрепленную линию.

Таким образом, присоединение к России Черкесии и экономические преобразования в регионе сыграли большую роль в дальнейшем развитии адыго-русских торгово-экономических отношений. Хотя, следует отметить, что военно-колонизаторская деятельность царского правительства тормозила развитие торговых связей горцев с русским населением Северо-Западного Кавказа. Торговлю с горцами оно рассматривало с позиций своей колониальной политики и стремилось подчинить ее строжайшей регламентации, контролю, завоевательным целям. Эта торговля должна была стать средством экономического давления на горские племена и поставить удовлетворение их нужд в промышленных и других товарах в прямую зависимость от воли военных властей.

Примечания:

¹ Шамрай В. С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с закубанскими горскими народами. С 1792 по 1864 гг. // Кубанский сборник. Т. 8. Екатеринодар, 1902. С.468

² Там же. С.470

³ Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф.261. Оп.1. Д.1288. Л.16

⁴ Там же. Ф.261. Оп.1. Д.1401. Л.1-5

⁵ Там же. Ф.254. Оп.1. Д.918. Л.3-4

⁶ Шамрай В. С. Указ. соч. С.472

⁷ Там же. С.383

⁸ Там же. С.384

⁹ Земля адыгов. Под ред. проф. А.Х.Шеуджен. Майкоп, 1996. С.126

¹⁰ ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.343. Л.12-19

¹¹ Писарев В. И. Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в. // Исторические записки. М., 1940. Вып. 9. С.174

¹² Земля адыгов. Указ. соч. С.134

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф.109. Д.1156. Л.3137; Российский Государственный военно-исторический архив (далее РГВИА) Ф.287. Д.80. Л.1-19; Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1881. Т.8. С.640

¹⁴ Шамрай В. С. Указ. соч. С.461

¹⁵ Там же. С.389

¹⁶ Шамрай В. С. Указ. соч. С.389

¹⁷ РГВИА. Ф.38. Д.8799. Л.7-23; ГАКК. Ф.324. Оп.1. Д.666. Л.1-34; Д.667. Л.1-23; Ф.261. Оп.1. Д.731. Л.142-229

¹⁸ ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.731. Л.7, 22, 167-172

¹⁹ Там же. Ф.261. Оп.1. Д.736. Л.32-34

²⁰ ГАРФ. Ф.722. Д.430. Л.1-130; ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.731. Л.7

²¹ ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.731. Л.7-22

²² Шамрай В. С. Указ. соч. С.442, 443

²³ Там же. С.444

²⁴ ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.731. Л.167-172

²⁵ Там же. Д.736. Л.32-34

²⁶ Писарев В. И. Указ. соч. С.186

²⁷ ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.874. Л.3-7

²⁸ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска.
Т.2. Екатеринодар, 1913. С.605

²⁹ Шамрай В. С. Указ. соч. С.486.